

Barbara

**СИМОНА
ВИЛАР**

ВЕДЬМА КНЯГИНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
В44

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Юрий Платов*

- © Гавриленко Н., 2009
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2009
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2009
- © ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2009

ISBN 978-966-14-1599-6 (PDF)

Предисловие

Дохристианский период истории Древней Руси содержит множество тайн и загадок. Летописи доносят до нас легенды о рождении и смерти людей, оказавших влияние на судьбы народов, тех, кто создавал или разрушал государства, на многие годы и века определял облик целых стран. Но нередко до нас доходят только имена, и остается лишь гадать, кто были эти люди, как жили и чем заслужили такую долгую память. Одно из таких имен принадлежит Малфриде, загадочной русской женщине, жившей в середине X века. Кем она была? Славянкой из племени полян или древлян, либо, может быть, корни ее остались в Скандинавии? Принадлежала она к княжеской семье или, возможно, оказала влияние на судьбу молодого Русского государства каким-то иным образом? Вероятно, схожие вопросы задавала себе известная писательница, признанный мастер историко-приключенческого жанра Симона Вилар, когда принималась за серию книг о Малфриде. «Ведьма», «Ведьма и князь» — и вот теперь «Ведьма княгини», новый роман о древлянской колдунье Малфриде.

Симона Вилар обладает даром создавать удивительно яркие, живые картины, пользуясь теми немногими обрывками исторических сведений, которые до нас дошли. Опираясь на сюжеты, сохраненные летописью, она не ограничивается этим. Ее фантазия оживляет короткие строки летописного сказания, наполняя его жизнью и красками. Много ли знает история о человеке по имени Малк Любечанин? Наверное, почти ничего. А ведь он был отцом Добрыни и Малуши, дедом князя Владимира, крестителя Руси! Фантазия писателя восполняет этот недостаток, а порой и заставляет давно известные по летописям сюжеты делать весьма неожиданные повороты.

Итак, Малфутка — на первый взгляд обычная молодая женщина, любящая и любимая жена древлянского посадника, удалого красавца Свенельда. Жаль только, что муж ее редко бывает дома, проводя все больше времени в Киеве, в палатах красавицы княгини Ольги. А Малфутка, предоставленная самой себе, бродя по огромным Свенельдовым палатам в компании маленького друга — черного котенка по имени Морок, обнаруживает в себе странные способности. Каким-то образом она видит нечисть — домовых духов, призраков. Дальше — больше. Она узнает о себе и своих возможностях такое, что оставаться дома в бездействии больше никак не может. И как бы ни был сейчас далек от нее киевский князь Игорь, терпящий поражение в древлянских лесах, все это имеет самое прямое отношение к Малфутке, пока еще ждущей в тереме, но уже знающей, что вот-вот ей предстоит вступить в битву — за жизнь своего любимого, за собственную память, за счастье своих детей... Иной раз лучше не помнить, что было с тобой прежде. Иной раз лучше не знать, на что ты способен. Но раз уж память проснулась, остается одно — сражаться. Следуя за Малфридой по ее нелегкому пути, читатель узнает, как и почему погибли лучшие древлянские мужи, приехавшие сватать Ольгу за своего князя Мала, куда делся сам Мал и почему он не упоминается при гибели Искоростеня, своей столицы. Персонажи сказок и легенд пройдут перед ним, будто живые — даже если они скорее бессмертные, чем подлинно живые... Мы узнаем, как появился на свет один из сильнейших русских богатырей, чье имя вошло в былины. А главное — вновь прикоснемся к живым корням своей истории. Сказка в них так тесно переплелась с былью, что разделить их уже невозможно — да и не нужно. Главное, что этот источник не пересох, он живет и питает нас, не давая забыть, кто мы и откуда.

ЧАСТЬ I

АПРЕЛЬ 945 ГОДА

ПРОЛОГ

Алым и дождь... Мутная серая пелена, заполонившая все вокруг. Сквозь это сырое марево толпа людей — орущая и беснующаяся — казалась призрачной, колышущиеся руки и искаженные лица с открытыми ртами вызывали жуть. А ведь люди ликовали... Их приводила в восторг победа, единение и сила, радость от того, что они наконец смогли расправиться с тем, кто так долго подавлял племя древлян, навязывал свою волю и разорял данью. И вид связанного, униженного князя Игоря Киевского был для древлян слаще, нежели все красоты Ирия¹.

На плечи пленного князя прикрутили тяжелую корягу, заставили тащить. Он шел пошатываясь, опустив глаза, чтобы не видеть их. Но головы не склонил. Что ж, пусть он и проиграл, но они никогда не увидят сломленного князя Руси. Даже если он связан и избит, даже если одежда висит ключьями, даже если ему немного осталось... Ибо он не сомневался, что уже немного.

Игоря толкали, и стражам приходилось оттеснять от него толпу. Его упорно заставляли идти, подпихивали древками копий, осыпали бранью, когда он споткнулся и стал завали-

¹ Ирий — рай у древних славян; край вечной весны, где обитают боги, куда улетают на зиму птицы и встречаются души предков.

ваться, но помочь подняться не пытались. И он поднимался сам, тяжело и устало. А тут еще из толпы кто-то запустил в него черпаком, угодил в голову, боль так и стрельнула над бровью, потекла кровь... Толпа же вновь взорвалась радостными возгласами.

— Поделом тебе, волк киевский! Повадились терзать овец, вот и настигла тебя кара! Проклятый! Да заберет тебя Чернобог!¹

Худшего проклятия и пожелать нельзя. Чернобог — божество вечных мук, самый темный и злой из всех богов, с которым иные светлые боги не желают знаться, так как за ним только смерть, мрак и мука. Мир Чернобога — сумрачное царство глубоко под землей, где никогда не бывает света, куда не заглядывает свет ясного солнышка. И теперь древляне то и дело поминают проклятого бога, радуясь, что плененный ими князь будет предан темному божеству, и надеются, что отныне, избавившись от Игоря Киевского, смогут наконец вырваться из-под руки Руси.

«Зря надеются», — подумал Игорь. И вспомнил свою жену — Ольгу. Не та у него княгиня, чтобы не помститься за мужа, чтобы спокойно снести гибель супруга и не воздать за злодеяние. Думать об этом было почти сладко. По крайней мере, эти помыслы позволяли ему терпеть унижения, идти выпрямившись и стойко сносить глумление.

А ведь как лихо он въезжал в эти леса, с каким презрением смотрел на древлян. Их лохматые накидки в его глазах выглядели грубыми, их угрюмые взгляды вызывали насмешку. Что ему до этих лесных диких людей, когда он и хазар отгонял, и печенегов разбил в сече, даже самого императора ромеев заставил склонить гордую выю и вынудил надменную Византию подписать выгодный для Руси договор². А потом...

¹ Чернобог — бог вечного мучения, который ожидает всех злодеев после смерти.

² Речь идет о подписанном князем Игорем с византийцами (ромеями) договоре в 945 году.

— Все из-за тебя, ведьма проклятая, — процедил сквозь зубы Игорь. И подумал о древлянке, из-за которой поехал в эти леса. Ее вина. Обвинять в своем поражении древлянскую чародейку Игорю все же было легче, чем признаться, что его погубило собственное безрассудство.

И угораздило же его так влюбиться в эту девку, Малфриду! Она же предпочла ему другого, его собственного воеводу Свенельда, которого сам князь поднял из простых варягов и поставил служить посадником у древлян. И тогда Игорь, стремясь ослабить соперника, забравшего слишком много власти, решил уличить того в сговоре с древлянами, отправился в их леса, чтобы вызнать все о тамошних сделках Свенельда и потом иметь право покарать счастливого соперника, а заодно... вернуть свою чародейку!

Игорь сперва и впрямь отметил, что Свенельд не все положенное взял с древлян, смог порастрясти бояр древлянских, повыгрести недоимки из закровов сельских старост. А когда с добытым добром возвращался, когда его возы уже шли по большаку¹ к Киеву, Игоря вдруг нагнал молодой волхв, некий Малкиня, и сообщил, что чародейка Малфрида ожидает князя в дальнем лесу, что не бывала она в Киеве, что другая под ее именем сошлась со Свенельдом, а настоящая Малфрида хранит ему верность по-прежнему... И он поверил... Отправил с данью большую часть войска в Киев, а сам с кметями² ближней дружины повернул назад, помчался, полетел к своей ненаглядной. Окрылен был, почти счастлив. И вот же попал в западню.

— Подними голову, волк киевский! — сквозь горькие думы различил Игорь чей-то громкий голос.

Князь медленно выпрямился, взглянул. И похолодел. Его возводили на высокий крутой холм, на котором сильные мужики с гоготом сгибали две высокие березы одну к другой,

¹ Большак — проторенная наезженная дорога, по которой могут ездить телеги.

² Кмети — профессиональные воины в дружине, лучшие дружинники.

обвязав веревками вершины... Вот как его казнят... Страшная погибель. Давно на Руси никого не предавали такой страшной смерти. Когда убивает не человеческая рука, а природа, значит, карает сама Мать Сыра Земля. Это скорее жертвоприношение, чем просто казнь. И его, Игоря Русского, древляне сделают жертвой?

Он едва не упал, слыша довольный хохот вокруг. И заставил себя выпрямиться. Тряхнул головой, откидывая с разбитого лба седеющую прядь, обвел толпу взглядом соколиным. Перун с ним! Он князь и витязь, покровитель смелых Перун должен увидеть его мужество! Только такому бог-воин и может помочь.

Игорь шел к вершине сам, сцепив до хруста зубы, вскинув голову. Даже торжествующие древляне как будто притихли, пораженные его твердостью. Но Игорь не знал, что и это не последнее его испытание. Что жестокие древляне приготовили ему еще одну муку.

Поднимаясь на холм, он замечал где-то у его подножия отблески большого огня, слышал крики и стоны. Сквозь сырую морось, сквозь плывший клубами дым, в отблесках пламени снизу Игорь увидел древлянских волхвов. Один из них шагнул к нему — властный, высокий, с длинной белой бородой и расчесанными на прямой пробор волосами. Только глаза его казались черными, как провалы. Сам же он был в торжественном белом одеянии, с многочисленными амулетами на груди и на поясе, с высоким посохом в руках. Так же выглядели и другие волхвы. Только один оказался в черном — молодой волхв Малкия, который и заманил хитростью князя в лес. Игорь взглянул на него — и молодой ведун вдруг отступил, будто смутившись. Но тут вперед вышел главный, темноглазый служитель. Торжественно указал концом посоха на что-то под холмом, на котором они стояли.

— Взгляни, князь-волк. Теперь ты все уразумеешь.

Там, под обрывом, у каменистых выступов тихой реки, древляне устроили огромное капище. Капище... Обычно

древляне никогда не пускали туда чужаков, теперь же сами привели сюда пленного князя, свою жертву. И Игорь видел...

Капище было выполнено в форме расprostертого тела огромной женщины. Снизу этого и не разглядишь, но отсюда, с возвышенности над обрывом, можно было увидеть очертания исполинской фигуры, выложенной из глины и камней: ее широкие бедра и бока, ее голову, откинутую назад, словно под тяжестью из завала камней-волос. А внутри великанши, будто собранные в загон овцы, толпились его люди. Крышей этому загону служили сплетенные из ивняка грудь, выпуклый, как у беременной, живот и ноги женщины, согнутые в коленях. Так на Руси изображали только Морену, жестокую хозяйку холода и смерти, владычицу зимы и темных глубин мироздания. Но обычно ее изваяние плели из соломы только на Масленицу на исходе зимы: беременное грубое тело, которое полагалось спалить на костре, ибо так с приходом весны смертные выказывали свое пренебрежение к хозяйке мрака и холодов. Здесь же, у древлян, изображение Морены было огромным... гигантским, внушающим почтение. И ее утроба была полна жертв, людей, пленников, которых поджаривали в ней, как в печи. Ибо огромная Морена уже была полна раскаленных углей, плетенные из ивняка части фигуры занимались огнем. А люди в ее чреве-загоне, те, кого предназначили Морене в жертву, метались и кричали, сгорая заживо в этой огромной печи. И сюда, на вершину холма, долетали их исполненные муки и ужаса крики. А ведь были там не абы кто, а лучшие кмети Игоря, самые ловкие и опытные из его отряда, которых он имел глупость оставить с собой, в качестве защиты... и увлек на страшную и мучительную погибель.

Глаза Игоря стали застилать слезы. Да чтобы его витязи, его побратимы военные и так умирали! Бездумно и мучительно. Но они не были сейчас витязями, они были полоумны от жара и мук жертвами, суровые варяги сейчас вопили

от боли, забыв об обычном для них презрении к смерти. Игорь различил сквозь огонь пытавшегося лезть по горящим прутьям своего воеводу Ивора. Ведь кремень был человек, пренебрегал опасностями, и самые жесткие раны не заставляли его выказывать страдания, а сейчас бесстрашный Ивор карабкался наверх, его волосы воспламенились, и князь слышал его исполненный муки животный рык... пока Ивор не рухнул с горящего «живота» беременной Морены вниз, на угли, в толпу сгоравших заживо витязей-жертв... Жертв для Морены.

Князь откровенно плакал.

Белобородый жрец шагнул вперед.

— Что, любо тебе се, князь? Нам вот любо.

Он торжествовал. Громко и злорадно расхохотался. Одевший в темное волхв Малкия даже прикрикнул на него неожиданно:

— Довольно, Маланич. Пора уже. Кончаем.

Они как будто стали препираться, но Игорь их не слышал. Ибо заметил еще нечто: там, за пылающим изголовьем гигантской распростертой Морены, стоял идол еще какого-то божества. На капищах обычно устанавливают много идолов: Перуна Громовержца, подателя благ и богатств Велеса, светоносного Дажьбога. Здесь же было только одно изваяние. Темное, без раскраски и опознавательных знаков, с железной пластиной вместо лица, жуткое в своей безликости, лишь будто расколотое сверху, где два выступа напоминали рога. А еще Морена была расположена перед ним так, словно отдавалась ему вместе с жертвами.

Князь похолодел. Он понял, кто это. Тот, имя которого все время выкрикивали древляне, пока пленного князя гнали на казнь... жертвенную казнь.

— Вы стали поклоняться темным силам? — оторопело воскликнул Игорь. — Вы обратились за помощью к самому Чернобогу и Морене-погубительнице? О нет... — И закричал: — Не делайте этого! Не губите целое племя ради одной

победы. Подумайте о будущем ваших детей и внуков. Не отдавайте их мраку, изменив светлым богам!

Тут Игоря кто-то толкнул, он упал на колени, рвался, когда с него снимали тяжелую корягу, и все твердил: не предавайтесь извечному злу, не губите весь свой народ.

— Вам ваш князь Мал не позволит! — рвался Игорь, желая лишь одного — объяснить им, спасти. — Вас светлые боги проклянут, вы изведете все древлянское племя под корень, если отдадитесь злу. Все вымрете. Да что же вы делаете, безумцы!.. Вспомните небо, не уводите целый народ под землю во мрак.

Игорь сейчас вдруг забыл о своих войнах с непокорными древлянами, забыл, что презирал их и считал подвластным племенем. Он внезапно и впрямь ощутил себя их князем, отцом племени, которое добровольно губило себя, выбрав своим покровителем зло.

Его толкнули, он упал. Руки его по-прежнему были скручены ремнями, а вот ноги развязали и теперь с силой разводили в стороны. Одну уже привязывали веревками к изогнутому стволу березы, оттягивали другую. Игорь извивался, но не от страха и предчувствия страшной кончины. Он понимал, что и его принесут в жертву тому алчущему крови идолу с расколотой головой и железной маской вместо лица, упивающемуся людскими муками. Князь-жертва — это то, что даст жуткому Чернобогу немало сил, позволит ему получить преимущество перед Громовержцем...

— Опомнитесь! — кричал Игорь, извиваясь. Рвался так, что несколько сильных древлян едва справлялись с ним. — Нельзя силу темным давать, они только зло!..

Его привязывали, а он умолял. Даже обратился к одетому в черное молодому волхву, который один словно испугался чего-то, отвернулся, сгорбился.

— Не меня пожалейте — людей племени своего! Будь мудрым, волхв, отриньте темноту. Небо вас покарает. Казните меня, но не для них...